

Как я стал писателем — эпизод 5 из 6

Я

увидал

мой омут, мельницу, разрытую плотину, глинистые обрывы, рябины,
осыпанные кистями ягод, деда...

Живые,

— они пришли и

взяли.

Помню, — я отшвырнул все книги, задохнулся... и написал — за вечер —
большой рассказ. Писал я «с маху». Правил и переписывал, — и правил.

Переписывал отчетливо и крупно. Перечитал... — и почувствовал дрожь и
радость. Заглавие? Оно явилось само, само очертилось в воздухе,

зелено-красное, как рябины —

там.

Дрожащей рукой я вывел:

Это было мартовским вечером 1894 года. Но и теперь еще помню я первые
строчки первого моего рассказа:

«Шум воды становился все отчетливей и громче: очевидно, я подходил к
запруде. Вокруг рос молодой, густой осинник, и его серые стволы стеной
стояли передо мною, закрывая шумевшую неподалеку речку. С треском я
пробирался чащей, спотыкался на остренькие пеньки осинового сухостоя,
получал неожиданные удары гибких веток...»

Рассказ был жуткий, с житейской драмой, от «я». Я сделал себя свидетелем
развязки, так ярко, казалось, сделал, что поверил собственной выдумке. Но
что же дальше? Литераторов я совсем не знал. В семье и среди знакомых было
мало людей интеллигентных. Я не знал и «как это делается», — как и куда
послать. Не с кем мне было посоветоваться; почему-то и стыдно было. Скажут
еще: «Э, пустяками занимаешься!» Газет я еще не читал тогда, —

«Московский листок» разве, но там было смешное только или про «Чуркина».

Сказать по правде — я считал себя выше этого. «Нива» не пришла в голову. И
вот вспомнилось мне, что где-то я видел вывесочку, узенькую совсем:

«Русское обозрение», ежемесячный журнал. Буквы были — славянские?

вспоминал-вспоминал... — и вспомнил, что на Тверской. Об этом журнале я
ничего не знал. Восьмиклассник, почти студент, я не знал, что есть «Русская

мысль», в Москве. С неделю я колебался: вспомню про «Русское обозрение» — так и похолодею и обожгусь. Прочитаю «У мельницы» — ободрюсь. И вот я пустился на Тверскую — искать «Русское обозрение». Не сказал никому ни слова.

Помню, прямо с уроков, с ранцем, в тяжелом ватном пальто, сильно повыгоревшем и пузырившемся к полам, — я его все донашивал, поджидая студенческого, чудесного! — в резиновых грязных ботиках, шагал я по «ботвинье», в мокром снегу навозном. День был весенний, солнечный, бойко текли канавки, дворники скидывали с крыш снег. Переписанная в тетрадку «рукопись» лежала в ранце. Помню, — иду и думаю: «И никто не знает, что я написал рассказ... и вот я его нес, и его, может быть, напечатают, и тогда узнают». Что я стану писателем, что за этот рассказ что-нибудь мне заплатят, — совсем не думал. Просто не приходило в голову. А вот и вывесочка, нашел. Взглянул — и обмер: «Русское обозрение»! В этих словах, написанных церковно, буквами необычными, почувствовалось мне вдруг, мелькнуло, что-то в этом — важное для меня и страшное. Мелькнуло — и забылось, другим покрылось, сегодняшним, а ну как выгонят?..

Спросил, помню, извозчика, — где журнал? Извозчик не знал. И никто не знал. Какой-то студент долго глядел на вывеску, глядел в переулок и на небо. И он не знал. Я пошел наудачу в переулок. Попавшийся почтальон довел меня до крыльца и бросил: «Теперь найдете». Крыльцо с каменными ступеньками, дом унылый. В полутемных сенях пустынно. Я позвонился робко. Встретил меня швейцар: «Вам чего?» — чуть приоткрывши дверь. Он поглядел на мой ранец, на грязные ботки, подумал: «Впускать или не впускать?» Так показалось мне. И решил, что впускать не стоит.

— Ну, давайте... — сказал он вяло, — сам отдам им.

Приходите через два месяца.

Тут же, в сенях, у двери, — я насилу мог справиться с волнением, отстегивая ранец, — достал я заветную синюю тетрадку. И меня охватило страхом: а вдруг обманет, не передаст?.. Я держался за синюю тетрадку, которую он тянул.

— А можно мне самому отдать... главному отдать?.. — спросил, попросил я робко.

Я забыл даже, что «главный»-то называется — редактор. Мы встретились глазами. Швейцар подморгнул мне хитро, совсем нестрого, — будто я ему нравился, — тронул за локоть, даже и сказал совсем ласково:

— Сами написали? Ну, хорошо... ладно! Сами
им
и отдадите!

Он отворил дверь пошире, впустил в высокую комнату и указал мне на желтенький диванчик: подождите. Потом приоткрыл огромную, под орех, дверь и сунул голову в щель, что-то проговорил кому-то. Там скучно крякнуло. Сердце во мне упало: крякнуло будто строго?.. Швейцар медленно шел ко мне.

— Пожалуйста... желают вас сами видеть.

Чудесный был швейцар, с усами, бравый! Я сорвался с диванчика и, как был, — в грязных, тяжелых ботиках, в шубе, с тяжелым ранцем, ремни которого волоклись со звоном, — все вдруг отяжелело! — вступил в святилище.